

НАТАЛИ
ЛОУРЕНС

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ТВАРИ НАШЕГО ПОДСОЗНАНИЯ

*Как монстры помогли
нам стать людьми*

УДК 159.964+ 398.4
ББК 88.5+88.3+71.0
Л81

Natalie Lawrence

ENCHANTED CREATURES:
Our Monsters And Their Meanings

Опубликовано с согласия David Higham Associates Limited
и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Марины Кедровой*

- Лоуренс Н.
Л81 Фантастические твари нашего подсознания. Как монстры помогли нам стать людьми / Н. Лоуренс ; [пер. с англ. М. Кедровой]. — М.: КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 272 с. : ил. — (Популярная психология для бизнеса и жизни).

ISBN 978-5-389-25414-5

Для всех, кто когда-либо боялся темноты и задумывался, почему мы с таким упоением смотрим фильмы ужасов и пересказываем древние сказания о драконах. Монстры всегда были с нами, потому что они — это мы сами. Или, точнее, то, чем мы отказываемся себя считать...

Опираясь на обширный материал — от «Эпоса о Гильгамеше» и «Беовульфа» до психоанализа и эволюционной биологии, — историк Натали Лоуренс исследует знаковые образы. Рогатый шаман, вендиго, ехидна, дракон, динозавр, минотавр и Медуза Горгона предстают не просто персонажами страшилок, а архетипами, через которые мы учились справляться с хаосом, определять границы «своего» и «чужого» и договариваться со «зверем» внутри. Мы узнаем, как менялось восприятие монстров с развитием науки: почему в XVII веке ученые принимали чучела панголинов за дьяволов, когда женщин-богинь плодородия начали ассоциировать со змеями и как дикий Грендель из древнеанглийского эпоса превратился в экологического стража в современной литературе. Автор показывает, как воображение помогает человечеству справляться с ужасами реальности. От первобытного страха перед дикой природой до ядерной бомбы — мы всегда представляем свои кошмары как нечто чешуйчатое и клыкастое.

«Фантастические твари нашего подсознания» — это глубокий антропологический и психологический анализ того, как страхи формируют культуру, общество и нас самих.

УДК 159.964+ 398.4
ББК 88.5+88.3+71.0

ISBN 978-5-389-25414-5

© Natalie Lawrence, 2024
© Кедрова М., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

...ибо всё в этом мире рождается из умов
людей, и как только люди становятся безумными,
они творят безумных тварей¹.

Роберт Холдсток, *«Лавондисс»*

Мы видим вещи не такими, какие они есть,
а такими, какие мы есть².

Анаис Нин, *«Соблазнение минотавра»*

¹ Роберт Холдсток. Лес Мифаго; Лавондисс [пер. с англ. А. Вироховского]. — М.: Эксмо, 2018.

² Анаис Нин. Соблазнение Минотавра [пер. с англ. А. Кабанов, З. Джандо-сова]. — СПб.: Амфора, 2005.

Введение:

Чудовища Творения

Мы остаемся как бы незавершенными,
пока некто [...] не поможет нам¹.

Мэри Шелли,

«Франкенштейн, или Современный Прометей»

Вы когда-нибудь боялись чудовищ? Я имею в виду настоящий страх — тот, от которого учащается сердцебиение и покалывает затылок. Несмотря на то, что разум говорит: «Не глупи, там ничего нет». Держу пари, что боялись, хотя бы раз в жизни. Это могло быть какое-то длинноногое существо, притаившееся под кроватью или выжидающее своего часа за дверцей шкафа. Это мог быть чешуйчатый хищник, извивающийся под водой и поглядывающий на ваши незащищенные лодыжки. Или ужасное существо из фильма, теперь сопровождающее вас домой из кинотеатра, прячущееся в темном углу. Мы все когда-то через это проходили: прыгали в кровать и прятались под одеялом, выходили в темный коридор и быстро включали свет после фильма ужасов — просто чтобы доказать себе, что *на самом деле* там ничего нет.

Со мной такое случалось. Когда мне было лет восемь, во время ночевки у друзей мы придумывали друг для друга страшные истории.

¹ Мэри Шелли. Франкенштейн, или Современный Прометей [пер. с англ. З. Александровой]. — М.: АСТ, 2015.

Мы упивались острым ощущением страха, вызванного мелодраматическими развязками, произносимыми самыми зловещими головами, на которые только способны маленькие девочки. Однажды ночью мы создали персонажа, ставшего нашим преследователем на долгие месяцы: волка с черными чернилами в жилах, который мог, как тень, проскользнуть в любую щель и сожрать человека прямо в постели. Кто-то придумал, что это существо живет в кустах в углу сада моей подруги. Это нас по-настоящему испугало. Мы несколько недель не спали из-за страха увидеть, как зверь, превратившись в чернила, проникает в наши спальни. Мы придумывали способы его одолеть. У всех чудовищ должна быть ахиллесова пята: от страха должно быть спасение. Против вампиров есть чеснок и колья, против оборотней — серебряные пули. А у Чернильного Волка в пятке была пробка, и, если ее вытащить, все чернила вытекут из него и он умрет — только бы успеть вовремя добраться до нее. Благодаря этому плану мы немного успокоились, хотя существо все еще не выходило у нас из головы.

Если задуматься, то это странная фантазия. Своеобразная жизненная жидкость волка, вероятно, как-то связана с тем, что мы постоянно заправляли перьевые ручки, пока выполняли школьные задания. Вы, возможно, помните какие-то столь же неординарные «изобретения» из детства — чудовищ, которые ужасали в то время, но кажутся глупыми сейчас, с точки зрения взрослого. Однако одна из радостей детства заключается в том, что вам все равно, что думают другие. Ваш мир фантазий — только ваш; он может быть настолько странным и бессмысленным, насколько захочется. В этом и заключается смысл чудовищ. Они не должны быть приемлемыми. Они должны быть чем-то исключительным — нелепыми, отвратительными существами — и от этого еще более привлекательными. Чем страннее, тем лучше.

Несмотря на то, что чудовища вызывают отвращение, они очень живучи. Неосознанная свобода детства с возрастом может ускользнуть, а миры наших фантазий — исчезнуть, но чудовища остаются с нами. От мантикор и гидр древних миров до инопланетных Хищников и лицехватов из современных фильмов — наше воображение всегда создавало монстров, и мы всегда были ими очарованы. Люди палеолита рисовали странных гибридов на стенах пещер от Европы до Юго-Восточной Азии. Драконы появляются в разных обликах почти в каждой культуре. Фильмы о чудовищных существах

собирают сотни миллионов долларов в прокате. Монстры захватывали и продолжают захватывать человеческое воображение, что свидетельствует об их огромном значении.

Так что же такое *чудовище*? Дать определение не так-то просто. Чудовища по своей природе ему не поддаются. Они настолько же разнообразны и изменчивы, насколько может быть любая группа, объединенная общим названием. Они не имеют физических сходств или общего происхождения, которые мы обычно используем для формирования групп в природе, таких как камни, деревья или птицы. Они — неприглядные создания в далеких логовах, инопланетные-паразиты, гигантские сгустки слизи, неудачные научные эксперименты. Слишком разношерстная компания, чтобы ее можно было описать одним словом.

На протяжении истории существовало множество определений чудовищам. Если обратиться к античному автору, такому как Плиний (I век н. э.), он бы отмахнулся от всего, что в Творении было причудливым или экстремальным. Святой Августин в IV веке мог бы сказать, что чудовища — это иррациональные нечеловеческие существа (он был совершенно уверен, что люди — существа рациональные). А вот ученый архиепископ VII века святой Исидор Севильский определял их как Божьи знамения, предсказывающие несчастья. Сегодня Оксфордский словарь английского языка (OED) предлагает несколько определений слова «чудовище», среди которых: «большое, уродливое и пугающее воображаемое существо» и «нечеловечески жестокий или злой человек». Как одно слово может иметь так много значений? Как оно может описывать и человека, и нечеловека, и реальные, и нереальные вещи? Кроме того, не все чудовища большие или пугающие. Что же всех их связывает? [1]

У нас есть инстинктивное чувство, что такое чудовище, и мы можем подтвердить это с помощью мысленного эксперимента. Представьте большое хищное животное, например медведя гризли, что-то ужасающее и смертельно опасное, если подойти к нему слишком близко. Это чудовище? Большинство людей, вероятно, скажут, что нет. Гризли нужно что-то особенное, чтобы получить звание чудовища, что-то необычное, например гигантский размер, способность дышать огнем или новая неестественная часть тела — хвост скорпиона или орлиные крылья. Вы можете придумать своего медведя-мантикору. Сравните его с другим видом животных, например с глубоководным удильщиком и его

адской зубастой гримасой и стеклянными глазами. Многие могут взглянуть на изображение такого животного и сказать, что оно подходит под определение чудовища, хотя при встрече оно не сможет вам ничего сделать. Это вопрос точки зрения. Гризли — знакомый зверь, ассоциирующийся с плюшевыми игрушками и детскими мультфильмами. Удильщик совсем не знаком — его ужасный вид шокирует и отталкивает. Он кажется странным, почти сверхъестественным, словно выдуманным.

Можно сказать, что чудовищность в глазах смотрящего. Чтобы быть чудовищем, существо должно выходить за рамки привычной природы, каким-то образом обманывать наши ожидания. Вот почему мы думаем о чудовищах как о «больших, уродливых и воображаемых» — такие характеристики, как «гигантский», «жуткий» и «неестественный» действительно шокируют. Однако границы того, что «нормально» и «естественно», подвижны. Они зависят от нашего жизненного опыта и мировоззрения. Например, морской биолог мог бы поспорить, что удильщик — это чудовище. Одна из причин, почему существует так много чудовищ, заключается в том, что они рождались в разные эпохи и в разных культурах, как отражение самых разных человеческих мировоззрений.

Принцип этого механизма гораздо яснее виден в перспективе нескольких столетий. Во время работы над докторской диссертацией на кафедре истории и философии науки Кембриджского университета я отправилась на охоту за экзотическими монстрами раннего Нового времени, охватывающего период с XVI¹ по XVIII век. На потрепанных страницах древних книг по естественной истории я нашла злобных чешуйчатых дьяволов, миниатюрных драконов, гигантских додо и моржей с сильными нарушениями сна². Это были реальные животные или рассказы путешественников о них, завезенные в Европу по торговым сетям, выходящим из европейских портов, таких как Амстердам и Антверпен, и опутывающим весь мир. Люди, описывавшие этих существ, превращали многих из них в чудовищ. Некоторые животные служили наглядным подтверждением того, что чудовища из древних мифов существуют на самом деле: например сморщенная кожа райской птицы могла принадлежать фе-

¹ По некоторым данным — с XV в. — *Прим. ред.*

² Моржи способны бодрствовать до 84 часов, их сон в воде фрагментарен и прерывист, с остановками дыхания. — *Прим. ред.*

никсу или падшему ангелу. Другие стали новыми причудливыми монстрами: клюв и бедренная кость додо свидетельствовали о том, что птица была настолько толстой, что не могла даже ходить, не говоря уже о полете. Чешуйчатые панголины превратились в дьявольских свинопоросят, а чтобы добыть шкуру моржа, нужно сразиться с ужасающими морскими исполинами.

Сейчас эти идеи кажутся нам нелепыми. Почему они превратили новых существ в чудовищ? Почему не посчитали их просто странными животными? Были ли люди, которые описывали их бредовыми? Нет. Вы не переплывете полмира на корабле и не напишете энциклопедии или философские трактаты, если будете легко во все верить и мыслить иррационально. Они мало что знали об этих новых существах, но старались логически осмыслить имевшиеся факты. Они пытались сопоставить новое со своим мировоззрением.

Эти диковинные создания не вписывались в традиционную картину мира. Они представляли собой таксономическую проблему для натуралистов — например додо или райская птица совершенно не соответствовали общепринятому пониманию птицы. Морж в итоге превратился в довольно посредственного кита, а панголин — в весьма странную ящерицу. По мере исследования и расширения мира появлялось все больше новых существ, не вписывающихся в привычные рамки. Они бросали вызов традиционному мировому порядку, закреплённому в классических текстах и Священном Писании. В результате натуралисты сопоставляли, что могли, с известными чудовищами, якобы обитавшими в далеких краях, — такими как грифоны и драконы. Других превращали в менее экстравагантных новых чудовищ. Эти существа, «выходящие за рамки природы», на самом деле и *не должны были* в них вписываться. Как мы увидим в седьмой главе, создание категории для странных чудовищ давало некоторую передышку, чтобы решить, что с ними делать. Со временем люди выстроили новые структуры для организации мира. Устоявшаяся модель мироздания была изменена таким образом, чтобы комфортно включать этих зверей, которые, в конце концов, перестали быть чудовищами.

Изучая жизнь экзотических существ в Европе раннего Нового времени, я многое узнала о воображении европейцев той эпохи (но почти ничего о моржах и панголинах). Как мы увидим позже, созданные ими чудовища были продуктами пропитанного теологическим

и магическим мышлением мировоззрения, которое сейчас кажется нам чуждым. Новые существа, непохожие ни на что, с чем люди сталкивались ранее, казались чудовищами, а существование оных было для них *реальностью*. Это хороший пример сложных отношений между реальностью и нашим восприятием. Мы не машины по обработке данных, и то, с чем мы сталкиваемся во внешнем мире, взаимодействует с тем, что существует в нашем культурном сознании. Результаты этих взаимодействий могут многое рассказать о нас самих и о том, как работает наш разум. Подобно искусству или поэзии, чудовищные творения нашего воображения содержат истины.

Само слово «монстр» намекает на их способность к разоблачению. Оно происходит от латинского *monstrare* («демонстрировать») или *monere* («предупреждать»). По своей сути чудовища являются знаками и парадоксами: скрытые и загадочные с одной стороны, но показательные и важные — с другой. Это знаки из глубины, которые проявляются, чтобы раскрыть истину о наших внутренних мирах и о том, как мы справляемся с реальностью, — если мы осмелимся к ним присмотреться. Границы того, что мы сегодня считаем естественным и нормальным, сильно отличаются от тех, которые существовали несколько сотен лет назад. Мы не верим в мантикор или морских чудовищ, для нас морж или панголин не являются чем-то, выходящим за рамки природы. Но во многих других отношениях мы продолжаем создавать чудовищ. Итак, что же монстры, которых мы порождали на протяжении всей истории и все еще порождаем сегодня, говорят о нас? Эта книга посвящена исследованию ключевой роли чудовищ в человеческом опыте и их влияния на наше становление как личностей. Это (не)естественная история монстров, которая, на самом деле, является историей нас самих [2].

Животные, рассказывающие истории

Как мы можем понять, каково это — быть человеком много лет назад? Мы можем взглянуть на оставшиеся предметы — развалины зданий, инструменты, оружие и изысканные украшения. Они могут рассказать нам кое-что о том, как люди жили, чем занимались. А истории, пережившие века, дают нам представление о том, как люди этот мир

воспринимали. Многие мифы и легенды не нуждаются в «раскопках»: они продолжают жить в нашей памяти, передаваясь от человека к человеку, меняясь с течением времени. Они дают нам возможность заглянуть в умы их создателей — чего не могут физические предметы. Эти истории уходят своими корнями гораздо дальше в прошлое, чем официально зафиксированная история.

Как и многих детей, меня завораживали мифы и легенды Древней Греции, Египта и Скандинавии. Я до сих пор восхищаюсь ими — поверьте, они не только для детей. В них множество сцен, где встречались боги и герои, магия и чудовища. Они связывают воображение людей далекого прошлого с нашим. Некоторые из известных нам сегодня монстров, такие как гидры, сфинксы и драконы, веками жили в этих древних сказаниях. Чудовища всегда казались интереснее сражающих их героев. Их дикая жизнь, полная тайн, подчинялась зову инстинктов и причудливым поворотам судьбы.

Истории сохраняются, потому что они придают миру смысл. Мы, как описал Джонатан Готтшалл в своей книге 2013 года, — «животные-рассказчики»: «Мы физиологически зависим от них; когда тело человека засыпает, мозг продолжает бодрствовать и, по сути, рассказывает сказки самому себе»¹. Сны, мифы, сказки или библейские аллегории — это не просто легкомысленная фантазия. Они используют мир как зеркало, раскрывающее истины об индивидуальном и общечеловеческом характере. Персонажи этих историй воспроизводят субъективные реальности в воображаемом ландшафте. Для нас, глубоко социального вида приматов, общинные мифологии выражают и укрепляют ценности. Таким образом, чудовища из историй являются представлениями того, что общество коллективно отвергает и чего боится — ничто так не объединяет людей, как общий враг [3].

Психоаналитик Бруно Беттельхейм описал сказки в книге «О пользе волшебства» (1976): «Если счесть сказки описаниями реальных событий, то они действительно покажутся чем-то абсолютно несуразным, с какой стороны к ним ни подойди. Жестокость, садизм — чего только нет в этих историях! Но если рассматривать сказку как символизацию психических проблем, мы

¹ Джонатан Готтшалл. Как сторителлинг сделал нас людьми [пер. с англ. Н. Крякиной]. — М.: Азбука-Аттикус, 2020.

оценим ее правдивость»¹. Беттельхейм подчеркивает важность классических сказок, их мерзости и суровости, поскольку они дают детям возможность проработать массу эмоций и фантазий, испытываемых по мере взросления. Конечно, со временем истории меняются. Современные версии сказок, представленные в книгах и произведениях Disney, довольно сильно смягчены. Они не затрагивают психологические реалии детства так безжалостно и прямо, как раньше. Но эти истории попали на экраны прежде всего потому, что обладали силой. Им не обязательно представлять объективную реальность, чтобы быть настоящими: они раскрывают психологические реалии [4].

Чудовища в этих историях — одни из самых важных персонажей. Они созданы из элементов нас самих, столь же могущественных и ужасных, какими кажутся чудовища. Конечно, не все монстры страшны — упомянутые ранее панголины и райские птицы вполне безобидны. Самые могущественные чудовища созданы из того, что нам в себе не нравится: агрессии, жестокости, страха, горя, тревоги — элементов человеческой природы и опыта, которые мы отвергаем или которых сторонимся. Наше воображение превращает эти аспекты в фантастических ужасных существ: их можно изгнать далеко-далеко или утешительно убить руками героев и богов. Еще более хитрый трюк — навесить на них ярлык других, а также воображаемых. Они — не мы, и они никогда не были реальными.

Но это иллюзия. Создав чудовищ, мы не можем от них избавиться или стереть их, потому что они, будучи частью нас самих, обязательно вернутся. Ученый в романе Мэри Шелли «Франкенштейн», создав человека из мертвых тел, пытается сбежать от своего монстра, но в итоге проводит остаток жизни, играя в кошки-мышки, в попытках убить свое «творение» или избежать смерти. Как бы нам ни хотелось избавиться от чудовищ, они манят нас, одновременно завораживая и ужасая. Мы можем загнать их в глубины морей, в темноту диких лесов, в безжизненную пустоту космоса — подальше от наших уютных гостиных и званых обедов. Но мы не можем по-настоящему сбежать от них. Они постоянно возвращаются: во тьме ночи, из-под кровати, в неуправляемых пространствах наших снов.

¹ Бруно Беттельхейм. О пользе волшебства. Смысл и значение английских сказок [пер. с англ. Е. Семёновой]. — М.: МИФ, 2024.

Вот почему чудовища так страшны. Не потому, что они большие и уродливые, а потому, что они — те части нас, от которых мы отреклись и которые теперь рвутся обратно. Они такие же большие и уродливые, как и те части нас, из которых они созданы. Монстры бывают разными, но они не плод воображения: их формы причудливы, но то, что они собой представляют, совершенно реально. Вот почему понимание логики существования монстров напрямую ведет к пониманию человеческой природы и того, почему это так важно. Именно это мы рассмотрим в этой книге, а также то, как это повлияло на отношения Запада с миром.

Звериные натуры

В одном из своих многочисленных трудов эрудит XV века Леонардо да Винчи (1452–1519) советовал творцам:

«Итак, если ты хочешь заставить казаться естественным вымышленное животное — пусть это будет, скажем, змея, — то возьми для ее головы голову овчарки или легавой собаки, присоедини к ней кошачьи глаза, уши филина, нос борзой, брови льва, виски старого петуха и шею водяной черепахи»¹.

Рецепт да Винчи вечен: многие чудовища — комбинация уже существующих животных. Драконы, главные наши монстры, представляют собой смесь рептилий, рыб, птиц и кошек. Ксеноморфы в фильме «Чужой» (1979) — хищники с изящностью млекопитающих, суставами насекомых и влажной кожей земноводных. Они обглодают ваше лицо и используют тело для откладывания яиц, точно так же, как это сделали бы овод или гвинейский червь, будь они в тысячу раз больше. Мир природы полон невообразимых существ. Сделайте макроснимок головы муравья: волоски, похожие на лезвия, неумолимые фасеточные глаза над челюстями, похожими на какие-то промышленные машины. Или понаблюдайте, как питается ленточный червь: внезапно выбрасывает липкий

¹ Леонардо да Винчи. Трактат о живописи / Леонардо да Винчи. — Харьков: Фолио, 2013.

нитевидный хоботок размером со свое тело, чтобы схватить добычу. Чтобы создавать монстров, не нужно выходить далеко за рамки реальности.

Наша жизнь тесно связана с другими животными. Мы всегда боялись их, охотились на них и ели, наблюдали за ними и подражали, объединялись с ними и были очарованы ими. Поэтому, конечно же, они населяют наши фантазии, составляя значительную часть материи, из которой мы творим. Они — живые, дышащие аналоги нашего собственного существования, и мы используем их как символы для определения наших качеств: лев храбр, осел упрям, павлин тщеславен. Если использовать известную фразу антрополога Клода Леви-Стросса, животными «приятно думать». Но чудовищные создания еще лучше [5].

Мы называем других животных *creatures* («созданиями») и *beasts* («зверями»), но эти слова не означают буквально «животные». Они рассказывают гораздо больше о наших отношениях с другими видами. Латинский глагол *creare* («создавать») превратился в среднеанглийское *creature* («создание»). Оксфордский словарь английского языка определяет «создание» как «животное, отличное от человека». Кембриджский словарь предлагает: «необычная или воображаемая форма жизни». Мерриам-Вебстер перечисляет: «нечто созданное, как одушевленное, так и неодушевленное, являющееся низшим животным, человеком или существом аномального или неопределенного аспекта природы» и «то, что является рабом или инструментом другого». Быть «существом» значит быть воображаемым созданием, подчиняющимся человеческим прихотям.

Слово *beast* («зверь») тоже интересно. Оксфордский словарь прослеживает, как латинское слово *bestia* превратилось в *beste* в старофранцузском и *beast* в среднеанглийском. Это какое-то животное, «отличающееся от человека», либо «домашний скот», либо «большое или опасное четвероногое». Второй уровень значения моральный: чьи-то «грубые или дикие» качества, вещь или человек «нежелательный или неприятный», «бесчеловечно подлый, жестокий или порочный». Зверство определяется тем, кем мы не являемся и не хотим быть [6].

Как бы нам ни хотелось это признавать, мы тоже звери, способные быть подлыми, жестокими и порочными, как и любое живот-

ное, а может, и в большей степени. Мы — животные среди животных, органические существа со всеми неизбежными ограничениями. Это нас беспокоит, и это одна из причин, почему чудовищные создания буйствуют в нашем воображении. Культурный антрополог Эрнест Беккер описал, как наше животное состояние определяет наше существование и управляет элементами культуры:

«Реальный мир просто слишком ужасен, чтобы его признать; человеку со всех сторон напоминают, что он — маленькое дрожащее животное, которое придет в упадок и умрет. Иллюзия меняет все это, заставляя человека чувствовать себя нужным, жизненно важным для вселенной, даже в каком-то смысле бессмертным»¹.

Культура позволяет нам создавать мифы, которые облегчают наше существование. Мы пытаемся структурировать и упорядочить мир, чтобы сделать его понятным. С одной стороны, мы создаем богов, к которым стремимся, и даем себе надежду на бессмертие. С другой — мы создаем чудовищных существ, чтобы избавиться от своей звериной натуры [7].

Многие из наших самых важных чудовищ родились из животных, которых мы убиваем и боимся. Американский писатель Дэвид Куаммен указывает: «Время от времени из леса или реки выходил чудовищный хищник, чтобы убить кого-нибудь и съесть», и в результате «одной из самых ранних форм самосознания было осознание себя мясом». Волки, тигры, крокодилы, медведи, львы и все другие животные, которые время от времени убивают и поедают людей, не просто опасны — они являются проверкой на прочность. Человеческое тело очень быстро может стать просто-напросто пищей. Мы имели дело с угрозой «альфа-хищников», как Куаммен их называет, мифологизируя их как богов и очерняя как чудовищ. Мы также истребляли большинство из них [8].

Тысячелетиями западные ученые, теологи и другие мыслители были озабочены тем, как отличить «человека» от «животного». На протяжении истории ответ на вопрос «что делает нас особенными» менялся: от божественного приоритета и обладания душой до сложного языка, самосознания и абстрактного мышления.

¹ Эрнест Беккер. Отрицание смерти [пер. с англ. А. Ерыкалина]. — М.: АСТ, 2023.

Мы также создали кодексы цивилизованного поведения, чтобы решительно подавлять дикую, животную часть нашего сознания. Мы поставили себя на вершину иерархии, выше всех остальных живых существ, и сплели тщательно продуманные мифы о Божественном Порядке, чтобы укрепить эту идею. Начиная с Аристотеля, *Scala Naturae*, или «Лестница существ» формировала то, как Запад видел мир природы. Она помещала человека чуть ниже Бога и ангелов, а другие формы жизни располагались под ними в порядке возрастания простоты: от птиц и млекопитающих до рептилий и земноводных, насекомых и существ с панцирями, а в самом низу — растения. Находясь в одиноком положении между Богом и кучкой скромных зверей, человек увидел единственный разумный путь — вверх: отделить себя от «низших существ» и достичь божественного [9].

Результатом «десяти тысяч лет эволюции», как выразилась Мелани Челленджер, стало появление «животного, которое не считает себя животным»¹. Или, точнее, животного, которому *не нравится* думать, что оно животное, и которое постоянно беспокоится о разнице. Мы подчеркивали такие качества, как самосознание, являющиеся, по нашему мнению, исключительно человеческими, чтобы отделить себя от природы и одновременно подавить звериное в себе. Но разрыв этой связи также отчуждает нас от природы и всего, что она нам дает. Он превращает нас в неполноценных существ, отбивающихся от «других» зверей. История чудовищ раскрывает наше двойственное отношение к собственной животной природе и потребность в ней. Они — осколки в ранах этих болезненных отношений. Они также могут быть ключом к исцелению [10].

О монстрах, балансирующих на зыбкой границе между человеком и животным, можно сказать гораздо больше. К ним относятся бородатые женщины и другие ярмарочные экспонаты, ужасающие карикатуры на расу и национальность, люди, которых поносят из-за отклонений в развитии, и даже наши отношения с человекообразными обезьянами и другими приматами. Это сфера, полная политической и социальной сложности, часто связанная с деятельностью власти, требующая особого подхода.

¹ Мелани Челленджер. Мы — животные: новая история человечества [пер. с англ. Ю. Медной]. — М.: Феникс, 2022

Эта книга исследует обширный зверинец чудовищных тварей, участвовавших в формировании нашего сознания, общества и понимания своего места в природе — существ, которыми мы думаем. Мы начнем с историй о хаосе и творении и, замыкая круг, вернемся к фантазиям об апокалипсисе и его катастрофических чудовищах. Двигаясь от раннего искусства к современным СМИ, мы проследим историю наших фантазий о монстрах. Мы увидим, что человеческая природа не сильно изменилась за тысячелетия, в отличие от того, насколько мы изменили мир вокруг. Сейчас, когда отношения людей с природой находятся на грани, нам как никогда важно понимать наших чудовищ.

Будьте осторожны: это не для слаонервных.

Глава 1

Рогатый Колдун

Эти образы – воспоминания о давно забытых снах.

Вернер Херцог

За два года до начала Первой мировой войны два брата, Макс и Луи, вместе отправились в осеннее приключение. Они пробирались между скалами вдоль небольшой реки Вольп, несшей свои воды мимо города Монтеस्कье-Авантес во французских Пиренеях. Поднявшись на холм, они увидели, что река исчезла в путанице ветвей, обрамляющих глубокий черный вход. Это была пещера Тюк-д'Одубер — они обнаружили ее несколько месяцев назад. Их отец, граф Анри Бегуэн, в детстве рассказывал им о чудесах того времени, когда еще не началась письменная история, следы которого все еще можно найти, если повезет. Мальчики были уверены, что в этой пещере устраивали свои берлоги гигантские медведи и саблезубые тигры. Они намеревались исследовать ее [1].

Во время предыдущей вылазки в пещеру братья обнаружили на стенах едва заметные остатки древних рисунков. Как рассказал отец, они были нарисованы во времена верхнего палеолита (50–12 тысяч лет назад¹). Художники жили в то время, когда ландшафт представлял

¹ По разным источникам, хронологические границы верхнего палеолита варьируются: 35–8 тыс. до н. э., 40–12 тыс. лет назад, 50–12 тыс. лет назад. При этом в разных регионах окончание палеолита и переход к мезолиту происходили неодновременно. — *Прим. ред.*

собой нечто совершенно другое — землю покрывали обширные ледники и населяли невероятные животные. Здесь обитали гигантские лоси с широко раскинувшимися рогами, степные мамонты, остроугольные шерстистые носороги, пещерные медведи и широкоплечие туры. Крупные животные, с которыми мы знакомы сегодня — благородный олень, европейский бизон и волки, — всего лишь следы существовавшего когда-то разнообразия ледникового периода [2].

Братья Бегуэн раньше не рисковали заходить дальше, в темноту пещеры. Но теперь они оба были подростками — 19 и 16 лет — и, по их мнению, уже слишком взрослыми, чтобы бояться. На этот раз братья подготовились: фонари, самодельный плот и решимость раскрыть тайны туннеля. Они тихо плыли на узком плоту по мелководью реки Вольп, окутанные прохладной тьмой холма — долгожданное облегчение от летней жары. Они, лежа на плоту, чтобы не зацепиться о низкий потолок, с помощью длинной палки двигались дальше вдоль стен пещеры, втыкая ее в неустойчивое каменистое дно реки, пока не достигли места, где Вольп уходила под землю. Когда последний солнечный луч исчез, они зажгли фонарь и увидели проход в сухую верхнюю комнату, куда не осмелились войти в прошлый раз. Они привязали плот к камню, вскарабкались к отверстию и убрали обломки, чтобы протиснуться внутрь. По мере того как пещера сужалась, им приходилось ползти по хрустящей осыпи, неуклюже передвигая долговыми подростковыми конечностями. Тусклый свет фонаря пугливо отражался от стен туннеля. Казалось, ему не будет конца.

Слабым эхом отдавался плеск воды. Путь был труднее, чем по знакомому течению Вольп. Мальчишкам пришлось карабкаться по каменным туннелям высотой в несколько метров и медленно ползти по узким проходам. Они огибали сталактиты и выступы, а иногда использовали небольшое долото, чтобы очистить себе путь. В конце концов, поцарапанные, измазанные пылью и потом, Макс и Луи пробились сквозь каменную толщу и выбрались в небольшую галерею. Они потеряли всякое чувство направления, любое представление о том, где находится река и откуда они пришли. Должно быть, они уже за сотни метров от входа. Но здесь хотя бы уже можно было ходить почти в полный рост.

От увиденного у них перехватило дыхание. На стенах виднелись размазанные отпечатки пальцев, а на глиняном полу — следы, одни большие и похожие на взрослые, другие, должно быть, детские. Сталактиты и сталагмиты тянулись друг к другу через всю пещеру, пока

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Популярная психология для бизнеса и жизни

Натали Лоуренс
**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ТВАРИ
НАШЕГО ПОДСОЗНАНИЯ**
Как монстры помогли нам стать людьми

Руководитель направления *Ирина Мажаява*
Ответственный редактор *Анастасия Гусева*
Литературный редактор *Евгения Адушева*
Дизайн обложки *Алексей Коннов*
Технический редактор *Мариятта Караматовая*
Корректоры *Полина Шевнина, Вера Макогоненко*
Верстальщик *Виктор Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.06.2026.

Формат 72 × 100^{1/16}, Гарнитура «NewBaskerville».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,61.

Тираж 3000 экз. W-PBJ-34404-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака КоЛибри	КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)